
Александра МЕДВЕДКИНА

АННА БЕРЕТ БИЛЕТ

Рассказ

1. Анна заводит старую пластинку

Прижавшийся к стене телефонный аппарат звонит не переставая, пробивает парной воздух электронной трелью, и Катя бросает на стол полотенце, бежит в коридор.

— Алло!

Вот-вот должен вернуться с работы муж, из комнаты свекрови доносится стон. Катя прикрывает трубку рукой, кричит в сторону двери:

— Мама, подождите! Сейчас! Да, алло! — уже в трубку.

— Твоя мама — это я, — звучит наставительно из динамика хриловатый голос, — что у вас там?

Катя вздрагивает от смеха:

— У нас? Да все в порядке. Как сама, ничего не случилось?

— Может, мне перезвонить? — спрашивает мать.

С начала марта Анна звонит своей младшей дочери Кате в Петербург и говорит, что хочет приехать. Она звонит каждый день, но обычно после вечернего выпуска новостей по Первому, сегодня застала Катю врасплох.

— Нет, мама, — говорит Катя, — я не занята... Ужин готовлю, все у нас как обычно. Как ты сама?

Несколько лет назад Анна продала деревенский дом и живет теперь у старшей дочери Насти в Апрельске, маленьком подмосковном городке. Уже который раз к весне Анна — сестры заметили периодичность — рвется в Питер погостить, посмотреть на внука, погулять по городу.

Анне за восемьдесят, но нет ничего, что могло бы убедить ее: такой возраст — не лучшее время для длительных путешествий.

Сегодня она снова спрашивает, как здоровье, как Костя, как Вадик, «как ваша мама?», и переходит к делу:

— Так я что, беру билет?

— Мама, — Катя нащупывает в кармане халата зажигалку, — мы вроде обсудили. Давай перенесем. Путешествовать лучше в компании. Я сейчас не могу приехать к вам и забрать тебя.

Голос матери подпрыгивает:

Александра Викторовна Медведкина родилась в 1986 году в г. Высоковске Московской области. Окончила Московское медицинское училище № 30 и Литературный институт им. Горького (семинар Алексея Варламова). Публиковалась в журналах «Тверской бульвар, 25», «Литературная учеба», «Звезда». Живет в Санкт-Петербурге.

— Какое путешествие, Катя? Вадик отвезет меня в Москву, я сяду на «Сапсан», четыре часа — и я у вас! Твой встретит меня. Поживу месяц, может, два, не стесню уж больно! Что, мать ваша, может, против? Я могу спать в комнате Кости. Постелите мне на полу.

Катя молчит, и мать говорит ей вкрадчиво, будто старается пробраться в Катину душу:

— Я очень по вас соскучилась. Я тут засыхаю, Катюша. Мне бы в Летний сад... Ты понимаешь? Я бы погуляла, я бы посмотрела на всю эту красоту. Мне бы легче стало, понимаешь? — Катя слышит, как от слез у матери перехватывает горло, и следующие слова та уже вышептывает: — Я же тут ничего не вижу.

Звонки продолжают вторую неделю, так что Катя понимает: так будет все лето, как было в прошлом году. Только холода пугают мать, только они заставят ее сдать-ся. Осенью, уже в конце сентября, Анна перестанет мучить своих детей, вся зима будет спокойная, вся будет Катина.

Катя кусает губы.

«Как это „ничего не вижу“, — думает она, — живешь в коттедже, своя комната, можешь прекрасно гулять по поселку, да хоть до самого центра! Это тебе не Питер, в Апрельске все рядом!»

Катя знает: если мать потеряется, буквально любой прохожий возьмет ее за руку и отведет домой. Старшая сестра Настя живет на окраине города, в коттедже, большим и просторном, да и семья у них большая — матери вряд ли бывает действительно скучно. Это все блажь насчет Петербурга. Чистая блажь.

Катя знает так же, что после переезда в Апрельск у Анны не появилось на новом месте настоящих друзей, но есть же там досуговый центр «Ясные зори», все эти занятия для пенсионеров, лекции по искусству, поездки в московские театры.

«Чего, чего еще тебе надо?»

Образовавшуюся паузу заполняет мать:

— Я к розам хочу, в тот единственный сад, — заводит она, и Катя борется с желанием бросить трубку. Не бросает: мать обидится, это во-первых, а во-вторых, Кате в чем-то даже нравится материно упрямство. Восемьдесят лет человеку, а упряма как коза. Катя почти улыбается, но в этот миг понимает для себя: ни за что не позволит матери поехать. Костью ляжет, а не пустит ее в Петербург.

— Мама, я все понимаю, — перебивает Катя, — внуки, сады, мосты, но что, — она достает козырь, черный как ночь, которым всегда бьет материну карту, — пару лет назад ты поехала...

Анна долго молчит.

— И что? — теперь голос матери тихий, робкий.

Катя напирает:

— Да, и что, мам? Что было?

Анна снова замолкает, Катя буквально видит, как мать кусает губы — эта привычка досталась сестрам от нее.

— Я приболела, — осторожно говорит Анна. — Тогда я приболела.

Катя тоже прикусывает нижнюю губу, оборачивается в сторону кухни: та в пелене тумана. Пахнет капустой, будто Катя попала в капустную баню, в кастрюлю с борщом.

— Но я все еще хочу приехать, — мягко, с робкой, но неистребимой надеждой говорит мать, — в этот раз не будет такого, Катюш! Я чувствую! Чувствую себя прекрасно. Я не буду тебе обузой, я прекрасно доберусь! И, Катя! «Сапсан» останавливается всего-то: в Твери, потом — в Бологом и потом уже только в Петербурге.

— Этого достаточно.

— Катя!

«Сколько раз мы говорили об этом? — думает Катя, закуривая прямо в темном коридоре. — Сколько, сколько раз...»

Мать понижает голос, будто боится, что кто-то посторонний может услышать ее:

— Катя, Вадик просто скажет стюардессе: «Не выпускайте нигде эту милую даму: она едет в Петербург, там ее будут встречать». Я могу даже заплатить ей за эту услугу, ты понимаешь? Я на все накопила.

— Проводнице.

— Что?

— Проводнице. Не стюардессе. Стюардесса — это в самолете, мам.

— Ох!

Трубка молчит, Катя открывает дверь туалета, телефонного провода хватает, чтобы она могла дотянуться и стряхнуть пепел в белую чашу унитаза.

— Я в порядке, Катенька. Я отлично себя чувствую. Что же, если ты так боишься за меня, что я уйду куда-то, сбегу — посадите меня на самолет! Там меня твоя стюардесса ни за что не выпустит.

Мать чем-то шуршит, Катя подозревает, что та опять ест конфеты, хотя у нее высокий сахар.

— Я правильно сказала, «стюардесса»? — издевается.

Катя выбрасывает окурочек в унитаз.

— Мам, там Саша пришел, — врёт она, — извини, я тебе потом перезвоню. Попозже договорим.

Ночью Катя не могла уснуть: казалось ей, что никогда она в жизни не спала и просто не умеет спать. Матрац был деревянный, подушка — бетонная, храп мужа — подземные хрипы доисторического чудовища.

Мысли Кати крутились и ошупывали, отдергивались от странных, не укладывающихся в голове воспоминаний о приключениях матери.

Два года назад Анна взяла билет, и муж «апрельской» дочери Насти отвез тещу на вокзал. Анна выбрала ночной рейс: вечером она ляжет спать, а проснется уже в Петербурге. Как удобно! Сестры согласились: чем томиться четыре часа в сидячем, до этого трястись в машине по пробкам от Апрельска до Раменского и еще на электричке час, лучше пусть мама поспит ночь, утром будет свежая, отдохнувшая.

Анна благополучно села в поезд, съела вечером кекс с горячим чаем, поболтала с соседкой, интеллигентной женщиной, преподающей в Петришуле, и легла спать.

В полночь она исчезла из поезда, и нашли ее только через две недели.

«Только не так, — думает, ворочаясь, Катя, — только не то же самое, я не перенесу. Господи, пожалуйста!»

Она не могла выбраться из паутины воспоминаний, каждая мысль о случившемся цепляла новые, они множились, множились. Кате казалось, что еще немного, и что-то лопнет в ее голове — тонкая, белесая нить души, и в голове, в этой тыкве, набитой страшными мыслями, станет внезапно пусто и легко... и Катя перестанет быть Катей.

Настенные часы тикали злобно. Когда стало понятно, что головная боль никуда не денется, что заснуть она не сможет, Катя стала молиться. Молитву она знала только одну — «Богородицу», которой научила ее мать. Она стала читать, вкладывая в молитву все свое отчаяние.

2. Анна вспоминает

Анна ждала, смотрела «Убойную силу», потом «Время», сидела допоздна, но Катя так и не перезвонила.

Во сне пульт дистанционного управления, с которым Анна задремала, превратился в ручку зонтика, и когда началась реклама, Анна испуганно подкинулась на диване с ясным, верным ощущением: только что бежала под дождем от остановки, а автобус уезжал от нее по мокрой летней улице. Ноги помнили твердость асфальта, влага холодила левую подошву.

Послекусие от сна было хорошее, светлое: какое-то желтовато-голубое, разбрызг пятен, и еще — немного серое, влажное. Кажется, улица знакомая, больше: родная. Но какой это город, какое время, существовала ли эта улица в действительности, Анна сказать не могла.

Проверив мобильный — ни новых звонков, ни сообщений, — она, опершись о тумбочку, встала, подошла к окну. Сквозь отражение в темном стекле самой комнаты, дивана, фотографий на стене в ночной глубине проступал кудрявый рисунок деревьев, светились белые шары садовых фонарей. Анна прильнула лицом к стеклу. Проявились светлые ободы клумб, извивы дорожек.

Она повернула ручку, потянула раму на себя. Воздух, прохладный и влажный, затек в комнату. Шум ветра заслонил от нее все прочие звуки.

Во время телефонного разговора дочь напомнила ей о той прошлой поездке, да и как не напомнить! Они все старались не говорить об этом, не вспоминать, но, конечно, этот довод кто-то из дочек равно или поздно швырнул бы Анне в лицо. Дети не хотели, чтобы она ехала.

А Анна не хотела соглашаться с их решением. В прошлый раз получилась какая-то ерунда. Ерунда, заперевшая ее в апрельском коттедже.

Она помнила не все, кое-что. Не любила вспоминать, но сейчас, зачарованная белым свечением газонных фонарей и угольным гудением ветра, в котором смешались голоса далеких клаксонов, шипение шин и крики ночных птиц, Анна соскальзывала в прошлое, в ту необычную ночь, и произошедшее тогда раскрывалось перед ней полно, как никогда раньше не бывало.

Будто на волне того особенного настроения, пробужденного в ней сном о летней пробежке за автобусом, Анна случайно проникла, соскользнула в темные овраги памяти.

Она на какое-то время соединилась и срослась с прошлым, стала той именно, «тогдашней» Анной, с которой произошло страшное.

Был конец мая, воздух празднично пах дождем и цветами. Казалось, за верхушкой тонкого небесного купола — сразу звезды и черная падь космической ночи.

Анна села в поезд вечером. Была она в голубом плаще, который Настя подарила ей незадолго до поездки, в руках держала серую дорожную сумку. За ушами Анны таяли капли новых духов, на ногах удобные закрытые туфли, в сердце — трепет, предвкушение счастья.

Она побаловала себя беседой с «удачной» соседкой, преподающей в одной из старейших петербургских школ, сняла пудру влажными салфетками и нанесла крем, пахнувший индийскими травами. Легла. Проснется — окупнется в счастье, в радость.

В 2.35 поезд качнуло. Остановка. Анна села, по-детски потеряла глаза. Ей снился сон: будто ветер отрывает ее от земли, она несется в воздухе и не может ни за что уцепиться. Мучает неприятная, тянущая пустота в животе, земля качается где-то внизу, ветер гудит в ушах. Страх окутывает ее, и чем ей страшнее, тем меньше остается от Анны.

Она терла и терла глаза, но окружающее яснее не становилось, хотя свет в проходе, она понимала это, был включен. Тот ветер из сна все перемешал в голове.

С невыносимым, странным дрожанием внутри, овеществленным беспокойством, сжимающим внутренности, она села. Нашла ногами тапочки. Ощупала руками лицо,

нашла на столике очки и надела их. Предметы перед глазами не складывались, ежились. Рябая поверхность стола текла, но все не переливалась из заданной формы.

Болела голова. Анна нашла в сумке лекарство от давления и запила его водой из бутылки (бутылочное горлышко било ее по зубам, когда Анна пила).

Она не помнила, ее это вода или соседки, вроде сама Анна вечером пила чай?

А где она пила чай? Перед глазами почему-то стояла залитая солнцем кухня: стол у окна, легкие занавески, полосатая сахарница: синяя и оранжевая полосы на белом фарфоре.

Это где, чей это был дом?

«Это я дома, — подумала Анна. — В Душанбе. Конечно, чай я пила дома. А тут я что делаю? Куда я еду?»

Она видела избирательно. Что-то открывалось ей, что-то оставалось за пределами восприятия, будто она так и не проснулась и никак не могла влиять на то, что видит во сне.

Анна поставила бутылку, воровато придвинула ее к соседкиному месту. Отодвинула занавеску: перрон погружен в зелено-желтый туман, будто морское дно в объективе камеры для подводной съемки.

Все спали. Поезд выдохнул долго, с шипением, дернулся снова, и Анна вытащила из-под сиденья сумку, запустила туда руку. Она нашла паспорт, выложила его на стол, билеты, кошелек, очечник, телефон. Что она искала? Анна не помнила.

И еще вдруг поняла, что не помнит, как ее зовут. Испуг взметнулся из живота, опалил темя — и опал, угас, оставив по себе дрожь и твердые мурашки на коже рук.

Анна убрала все, что выложила, обратно в сумку.

В окне — теперь Анна видела четче — замелькали столбы, пролетели опоры железнодорожного моста, хозяйственные постройки. Фонари исчезли, путь погрузился во мрак.

Анна покачивалась на разобранной постели, потирая онемевшие кончики пальцев. Она уже не очень боялась, уже забыла, что напугало ее, но, как ни силилась, не могла собрать себя. Хотя телу ее было даже уютно сидеть так, покачиваясь, в вагоне, разогретом дыханием спящих пассажиров, подспудная тревога знобкими мурашками, волна за волной, ощупывала ее затылок.

«Что все-таки происходит? — спрашивала себя Анна. — Куда я еду?»

«Вот же люди, — говорила она себе, — тепло, хорошо. Это поезд. Я понимаю».

И в то же время ей казалось, что тело ее уже совсем невесомо, что все вокруг очень условно и неустойчиво, как декорация или — хуже — фантазия. Изменится мысль, перескочит внимание — и поезд, люди исчезнут, как будто не было их никогда.

Ощущение уюта таяло. Приходил холод, жесткий, сжимающий мышцы. Внутри Анны происходили пугающие превращения. Ей казалось, что она перестала быть хозяйкой своего тела, даже сидит неровно, клонится вбок, как кривая береза, и непонятно было, а как оно ощущалось, как это вообще чувствовалось, когда мир не выворачивался наизнанку, а все находилось на своих местах.

Она снова выложила все на шерстяное одеяло, перебирала вещи в неверном сонном свете, подспудно надеясь, что содержимое сумки как-то подскажет ей, что происходит и что нужно делать.

Ни сумка, ни билеты, ни паспорт не сказали ей ничего. Буквы дрожали, менялись местами и звуками, так что Анне стало тошно. Снова разболелась голова, боль зрела в самом центре и заволакивала красным гудением всю черепную коробку. Анна снова убрала паспорт и билеты. Немного поглядев в черное, отражающее рыжие занавески окно, она принялась собирать постель. Уложила в дорожную сумку тапочки, нашла под своей полкой туфли, надела.

На следующей остановке, в 4.35, она вышла из вагона, вежливо попрощавшись с заспанной проводницей. Учительница из Питера спала. Молодой человек, спавший на верхней полке, вышел покурить на перрон во время короткой остановки в Малой Вишере. Он проводил Анну удивленным взглядом: кажется, бабушка ехала в Питер?

Анна уверенно спустилась с перрона и через некоторое время осталась совсем одна в холодной ночной темноте. Тревожно, одиноко шелестел кустарник. Анна пошла к лавочке под козырьком главного здания вокзала, села там и снова перебрала сумку.

А потом составы дернулись, столкнулись в ее голове, от внутреннего грохота заломило в ушах, и темнота выбрызнулась у нее из темени, затопила все.

Как потом она рассказывала детям сначала в клинике, потом дома: утром ее увела с вокзала какая-то женщина.

Большого не открылось ей и теперь, в ее неожиданном провале: ни внешности, ни имени незнакомки.

Дни Анны проходили в странном месте. Ей иногда казалось, что ее вывезли на пикник, и он все почему-то не заканчивается.

Просыпаясь, Анна видела над собой лиственный шалаш, зеленое мелькание, слышала шорох листвы, пробитой солнечными лучами. Закрывала глаза рукой и снова засыпала. В те дни она вообще много спала.

Не встретив Анну с поезда, Катя позвонила сестре. Семьи дочерей, это Анне потом рассказали, позвонили в милицию, обзвонили родственников, просили о помощи всех, у кого были машины: помогите отыскать маму. Взяв на работе отгулы, близкие и дальние родственники искали Анну, колеся по окрестностям остановок на пути следования поезда. Везде расклеивали объявления:

ВНИМАНИЕ! ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК!

Верная (Перова) Анна Васильевна 01.05.1915 г. р.

Проживает: Раменский р-н, г. Апрельск.

с 27 мая 2002 года местонахождение неизвестно!!!

Особые приметы: носит очки.

Приметы: худощавого телосложения, волосы короткие, седые.

Одежда: голубой плащ, серые брюки, бежевые туфли, серая дорожная сумка.

Была еще приписка внизу:

Очень ждем нашу маму домой. Мама, позвони!!!

Анне рассказывали, что ее не было две недели, но очень долго сама Анна не осознавала, что вообще «пропадала». Она помнила только, что иногда ей бывало холодно, иногда — тепло, иногда рядом были люди, иногда она была одна, среди света и зелени.

В больнице Анна оставалась в сознании, узнавала родных, но страшно путалась. Историю своего исчезновения рассказывала каждый раз по-разному, подробности то исчезали, то прирастали к основному сюжету. Анна помнила, что в какой-то из дней ее остановил милиционер, когда она стояла у привокзального киоска.

Сейчас Анна будто увидела себя со стороны: стоит на перроне, будто потеряла кого, такая худая, обтрепанная, со всклокоченными волосами. Если бы не ориентировки, милиционер, наверное, прогнал бы ее как бездомную. Несмотря на путаницу в голове, где смешались места и времена, она сказала, что ее зовут Нюра, что она ждет

мужа: они договорились вместе сходить в магазин. Милиционер попросил паспорт, она показала, паспорт при ней. Когда он спросил, знает ли Анна, где находится, она сказала, что шла к универмагу «Махинав». Не знает ли товарищ милиционер, как пройти к «Махинаву»? Столько раз была здесь, непонятно, куда мог деться такой большой магазин! Наверное, где-то не там свернула. Милиционер спросил у Анны, как она думает, в каком находится городе.

Город? Конечно, Душанбе.

Милиционер отвез Анну в участок и связался с ее детьми.

Ее увезли обратно в Апрельск, положили в клинику, которой заведовал Настин знакомый врач. Катя приехала ухаживать за матерью.

Эти дни, эти месяцы Анна помнит очень плохо: как путалась в местах и временах, мучительно искала в пыльной, грязноватой сумке билет.

— Билет, мой билет, — говорила она, — где же билет, Катя? Билетик. Ты не видела?

— Куда билет, мама? — спрашивала Катя. — Куда ты еще собираешься?

— Домой, — говорила Анна. — Ты его переложила? Может, в паспорте? Где мой паспорт?

Ей ставили капельницы и кормили с ложки. Смачивали вазелином пересыхающие губы и язык.

Вспоминая, Анна плакала, уперев лоб в холодное оконное стекло. Она была такая беспомощная, такая дряхлая и глупая. Ей хотелось наказать дочерей.

Навсегда вырваться из их рук.

Катина ночь сплеталась с ночью матери. Катя дрожала в душной спальне, муж откинул одеяло, так жарко ему, а Катя все жалась к нему, ее ноги и руки были каменные от холода.

Когда мать смогла говорить связно, то рассказала дочерям, что вышла из поезда, потому что почувствовала, что это ее остановка. Она помнила вокзал, но иногда говорила, что после того, как уснула в поезде, проснулась в шалаше. Анна упоминала о том, что ее встретила какая-то женщина и привела к себе. Сестры сделали вывод, что их маму приютила бездомная, жившая где-то в лесу на окраине Малой Вишеры.

Анна говорила, что с ней хорошо, уважительно обращались, но спать надо было прямо на земле.

— ...А просыпаешься, — рассказывала Анна, — и вверху так шелестят, шелестят зеленые листочки... — она показывает руками шевеление веток, — солнце сквозь них бьет, греет мне лицо. Хорошо! Воздух такой хороший, свежий...

Она говорила, с нею жили несколько человек, отдельно отмечала женщину: «одна добрая женщина» — и еще иногда говорила, что Настя, старшая дочка, была там вместе с ней и в отличие от остальных грубила ей и толкала, не давала есть.

Те «другие», что тоже жили в шалаше, звали ее «бабушка», потому что Анна не знала тогда своего имени.

Сестры плакали, слушая ее.

«Что я ей сделала, Катя? — спрашивала старшая сестра, — что я делала не так? Не надо было ее забирать из деревни? Но она там одна, у меня сердце не на месте. Если бы папа был жив, я еще понимаю, да и то, старые они уже, чтоб в деревне их оставлять!»

Что удивительно, из кошелька матери, при том, что она две недели жила в лесу с бездомными, не пропало ни рубля, а все ее старые кольца с огромными камнями оказались на месте. Они не слетали с пальцев. Если кто и отталкивал Анну от еды, то кто-то другой кормил ее.

Мать приходила в себя долго. Сначала в больнице, потом капельницы продолжались дома. Настя ходила на работу, Катя работала из дома и присматривала за матерью. Меняла подгузники, сидела рядом и слушала, слушала истории о путешествии Анны.

Она опешила, когда мать на третьем месяце реабилитации заявила, что вот все-таки хотелось бы ей прогуляться хотя бы следующим летом по Летнему саду.

«Летом по Летнему саду», — тихо сказала мать, и побелевшая Катя сделала вид, что не слышала.

По сей день свежи воспоминания о том, как мама беспрестанно рылась в сумке, ища вещи, которые не пропадали, или вдруг нервно начинала поправлять белье, хотя все было в порядке. Как она пыталась раздеться. Спрашивала, где муж, когда он вернется, заправил ли он машину, как обещал.

Катя помнила, как временами мать путалась, спрашивала, где Катюшка, забрала ли ее Настя из садика, и Катя не знала, что отвечать.

«А я кто, мама?» — «А кто ты?» — вопросом отвечала мать.

Анна, бывало, просила Катю передать ей что-то невидимое или предлагала старшей дочери, забегавшей в их комнату по вечерам после работы, невидимые вещи и угощения, и Катя наконец смирилась и играла с матерью в эту игру, чтобы не волновать ее лишней раз. Мать передавала им гостинцы от умерших друзей из Душанбе и из деревни. Угощала Катю невидимыми арбузами. «Ты попробуй, ты такого никогда не ела». Катя плакала. Делала вид, что пробует. А потом уже не плакала. Привыкла и передавала матери то, что она просит, с легкостью, с какой передала бы соль или пульт от телевизора.

Увидев в первый раз эти понарошечные игры, Настя вывела сестру из комнаты.

«Когда такое начинается, когда человек начинает заговариваться... ну, ты понимаешь? Это все, Катя, это конец».

Но Анна выкарабкалась. Она потерялась в мае, а к зиме постепенно упразднились призрачные угощения, мать стала подниматься с постели. К Новому году она ходила по дому сама. Случались моменты, когда она вдруг начинала всматриваться, всматриваться в лица дочерей, словно вспоминая имена или пытаясь определить, не чужак ли кто-то из них, не вор ли, забравшийся ночью в дом. Но все-таки это было уже «совсем другое дело».

В остальном все было лучше, чем сестры могли представить. Мать сама стирала свои вещи в машинке на втором этаже. Сама мылась и весной уже одна ходила в магазин, частный киоск в двух минутах ходьбы от коттеджа. В июне она вернулась в досуговый центр «Ясные зори», и пенсионеры устроили праздник в ее честь. Она была рада ему, как дню рождения, а дочери считали, что «Зори» празднуют возвращение Анны с того света.

В тот период Катя похудела на пятнадцать килограммов, а сестра Настя лишилась почти всех зубов.

Они не думали, не смели мечтать, что мама пойдет на поправку. Та почти совсем выздоровела, восстановилась, и что же? Завела старую пластинку!

3. Досадные помехи

После нескольких дней молчания Анна позвонила младшей дочери, спросила о делах, рассказала, что соседи — те, у которых трехэтажный особняк и две овчарки, — делают на своем участке пруд. Катя ждала рассказа о катастрофе: соседи все перекопали, участок сестры затоплен, но мать сказала, что все очень красиво получается, че-

рез пруд будет мостик, все очень аккуратно, в японском стиле. Анна почти каждый день пила чай с соседкой, у той трое прелестных правнучек, «благодать, а не семья».

— Мама, — сказала Катя осторожно, — погоди чуть, у тебя тоже будут правнуки. С прудиком сложнее.

— У них вся семья вместе, в одном доме живут. А вас разметало... Я нашла очень хорошие билеты, — торопилась Анна, — очень недорого, туда и обратно, Катюшка, туда и обратно, на месяц. Я пока не заказывала. Если ты за меня боишься, поедем вместе или отпусти на выходные Костю, он заберет меня.

Катя молчала. Что-то слабое, мягкое поднималось изнутри, обволакивало ее внутренности, и даже пальцы, схватившие трубку, ослабели. Катя прижала ее подбородком.

«Пусть съездит, — подумала она каким-то чужим голосом, будто соседка, с которой мать пила чай, уговаривала ее, облокотившись на перила японского мостика, — она старая, ну сколько ей осталось?»

— Ты ведь не удержишь меня, котенька, — вздохнула мать. — Решеток на окнах у меня пока нет, я могу выйти, — Катя слышала, что мать улыбается, и как-то грустно, будто все потеряла, что было у нее в жизни, и свыклась с этим, — буквально в любую минуту.

— Приезжай, мам.

— Да, Катюш. С Лариской, с ее внучками хорошо, но ведь они не моя семья. Кто моя семья? Настя тут, ты там... Дом твой — там, где твои дети, правда? Мои дети живут в разных городах, я сама, Катюш, я переезжала за свою жизнь сколько? Четыре раза. Тут оставила знакомых, друзей, там, сям. Многие умерли уже. И я, — Катя слышит, как мать сморкается, — уже не знаю, где мой дом.

— Приезжай, мам, — повторяет Катя.

— Это знаешь, как бывает... Живешь, живешь, устаешь, стареешь, и хочется вырваться. Хоть на какое-то время снова ощутить себя не развалиной, а человеком.

— Я понимаю, мам.

— Человеком хочу быть я, Катя. Не доживать, а дышать так, хоть немного подышать так, как будто я — молодая.

Катя молчит, Анна разговаривает сама с собой, напевно читает в трубку: «...там шепчутся белые ночи мои... о чьей-то высокой и тайной любви...», как будто ее не слышит никто или, может быть, слушает сам Бог, который приложил ухо к динамике, когда Катя отшагнула от телефона стряхнуть пепел.

За несколько дней до вылета Анна заболела. Муж старшей дочери привез врача, тот сказал: ничего страшного, вирус, но температура держалась четыре дня под сорок, Анну забрали в больницу.

Настя поехала с ней. В карете «скорой помощи» Анна только и говорила, что о билетах: «Не сдавай, не сдавай пока, я быстро поправлюсь». Настя сказала: как выздоровеешь, так и купим. Самые лучшие. Полетишь первым классом, а сейчас отдыхай, не забивай себе голову.

Катя полетела в Апрельск, по дороге теряя заказчиков. Работала как автомат, а в голове билось: «Только не как в прошлый раз, только не как в прошлый раз!»

Почему-то особенно ее пугало повторение, возможное исчезновение матери, хотя Анна была не в том состоянии, чтобы куда-то уехать или улететь.

Анна лежала в больнице, Катя настояла, что сиделок не нужно, она будет ухаживать сама.

И вот платная палата на двоих, с душевой и большим телевизором. Июньское небо смотрит в окна. Душистая, кудрявая береза трется ветками о приоткрытые окна

палаты, просовывает внутрь зеленые руки. Солнце светит так, что Катя едва различает буквы на экране ноутбука.

Заказчик прислал задание: написать продающие тексты для линии детской одежды. Катя смотрит на розовые, желтые комбинезоны, полосатые футболки и вспоминает вещи, которые ее мама шила для внуков. Костин желтый комбинезон с аппликацией, костюм Буратино для утренника.

Она отворачивается от экрана. Температура у матери спала, но кашель был нутряной, косматый. Врач уклончиво говорила про «не очень хорошую флюорографию», вены Анны были исколоты.

Мать иногда отвлекала Катю от работы, в основном мечтала вслух, говорила, что если не считать кашля, то чувствует она себя неплохо, и совсем хорошо станет, когда она увидит наконец фонтаны и статуи, особенно Дельфийского оракула, потому что та снилась ей.

И конечно, стихотворение не давало ей покоя. Катя начинала его ненавидеть.

— ...К розам хочу, в тот единственный сад... где... где...

— Где лучшая в мире стоит из оград, — говорит Катя, но представляет совсем не ограды Летнего сада, а черные, в потеках застывшей краски, чугунные оградки апрельского городского кладбища, — где статуи...

— Где статуи помнят меня молодой, — нараспев, голосом, потрескавшимся от боли, продолжает Анна, — а я их под невскою помню водой...

Анна читает очень тихо, а Катя думает: «Дался ей Петербург, дался ей этот сад!»

— И все перламутром и яшмой горит...

— ...Но света источник таинственно скрыт, — дочитывает Анна. — Ты знаешь, Катя, почему источник таинственно скрыт?

— Нет, — говорит Катя, понимая, что ни строчки не сможет написать про желтые комбинезончики, — но ты, наверное, знаешь! — и тут же ее окатывает липким жаром стыда.

— Потому что он находится за дверями дворца, конечно. В другом мире. Ты понимаешь? — Анна вздыхает. — Конечно, настоящий свет принадлежит другому миру. Он сюда немножко просвечивает, но это не то же самое, что быть там, во дворце.

«Она бредит, — почти плача, думает Катя, — она опять сползает...»

Катя встает, растирает руками окаменевшее от горя лицо.

— Ты меня мучаешь, мама, — говорит она. — Ты меня терзаешь, и я не знаю за что.

— Я просто хочу, — говорит Анна, и взгляд ее серых глаз ясен, — чтобы ты немножко проснулась. Немножко открыла глаза.

Катя молчит, и Анна, уже хитро глядя в потолок, сообщает:

— А я все ж таки взяла билеты, Катюшка! — она кладет на лежащий на тумбочке смартфон костистую, почти прозрачную руку с зеленой бляшкой катетера, примотанного лейкопластырем. Катя видит плотные трубки синих вен под тонкой кожей.

— Сама. Я сумела, — голос матери дрожит от гордости.

Глядя на Анну полными ужаса и отчаяния глазами, Катя понимает: мать ни за что не отступится.

4. На воле

Вторая неделя госпитализации подходила к концу. Появилась новая информация от врача: «плохая кровь». Сестра что-то путано объясняла Кате про лейкоциты, но та понимала только одно: лучше матери не становится.

Каждый вечер Катя ложилась на койку к матери, сжимала ее горячую руку и, как сказку на ночь, рассказывала Анне: «Как только тебе станет лучше, мы все вместе по-

едем в Питер. Все вместе, в купе. Мы все будем рядом с тобой, сиделка-фельдшер будет в соседнем купе. Только выздоравливай, только, пожалуйста, сделай так еще раз, как ты уже делала: выздорovej!»

Уже лежа одна, на холодной простыни, под колючим одеялом, Катя думала, что раз матери действительно пора уходить, пусть бы это случилось не так! Только не в бреду, не в болезни, смешивающей явь и сон, настоящее и прошлое, выдуманное и реальное. Пусть это будет как-нибудь иначе.

«Чтобы мы смогли попрощаться. По-человечески, узнавая друг друга, чтобы она понимала, что мы рядом с ней».

Анна, засыпая, думала о приближающейся дате поездки, но события дня вмещались в мечты. Она видела в мельтешении предсонных образов коридоры больницы, сидящих в фойе пациентов — кто со штативом, на котором болтается мочесборник, кто в коляске, они казались Анне похожими на брошенные машины.

У ее мужа был «жигуленок», он купил этот автомобиль еще в Душанбе, в начале девяностых, и так ухаживал за ним, что машина была на ходу до самой его смерти. Потом машину забрал муж старшей Насти, вроде как «в память». Но «жигуленок» без дела стоял в углу двора, ржавел. У мужа Насти была «ауди», а потом еще мордатый джип, но Анна знала, что ее дети не любят свои машины так, как она и муж любили «жигули»: крепко, с припекающей сердце благодарностью.

Соседи по палатам и она сама казались ей похожими на автомобили-развалюхи с механической передачей, сигналищие у въезда на городскую свалку. Тела их ржавели и разваливались; в пору было выйти уже вон, залихватски хлопнув дверью.

Она иногда хотела так выйти. Быть смелой. Ей, в общем, ничего больше не оставалось.

В детстве Анна если чего и боялась, так это одиночества. Когда она боялась, то молилась, как ее научила бабушка. Бога она в ту неясную, светло-дремотную пору раннего детства представляла себе как доброго булочника. Бог Анны жил в ночном небе, там же располагалась небесная пещера, где Бог стоял за прилавком, одетый в молочное-белое платье. Он пах хлебом, и за его спиной виднелись полки с белыми, свежес выпеченными буханками.

Когда она чего-то боялась, она просила Его о помощи, и до поры Он спасал ее от бед.

Когда ей было семь, ее бабушка умерла. Тогда Анна решила, что булочник из небесной пещеры слишком жесток. В ее снах он превратился в постового. Постовой оставался людей на полном ходу и штрафовал, лишал прав, оставлял людей умирать, выгоняя их из их тел.

Ей это казалось самой большой, вселенской несправедливостью.

Теперь Анна понимала: таков ход вещей, приходит такое время, что ты и сам не захочешь остаться. Приходит время, и стекла запотевают, мотор барахлит — пора собраться с духом и выйти наконец из машины. Приехали!

В день, на который Анна взяла билет до Питера, температура ее приблизилась к нормальной тридцать семь и одна. Снова брали кровь, и Катя надеялась, что показатели будут стремиться к норме.

Когда она вернулась от сестры, к которой ходила взять чистые вещи для себя и матери, то Анны в палате не нашла. Катя, задыхаясь от ужаса, побежала к постовой сестре. Медсестры, врачи и санитарки искали Анну на этаже, в душевой и туалете, на женской части и на мужской, в столовой, по всем этажам... Искали, но найти не смогли.

Сама Анна нашла себя внезапно, но, как и все остальные, не поняла, что произошло. Она помнила, что, когда ушла Катя, ей удалось вызвать такси. За бешеные деньги она собиралась во что бы то ни стало добраться до Домодедова и сесть там на самолет.

Анна оделась, как сумела, вышла из палаты... голова у нее закружилась, стены бросились к ней со всех сторон. «Нужно побережь силы, — подумала Анна. — Таксист позвонит... как позвонит, так и выйду».

Она постояла, держась за стену. «Все хорошо, — говорила себе Анна, — все нормально. Сейчас пройдет. Я спущусь на лифте, сяду в машину».

Медсестра увидела ее, это была милая новенькая, Анна сказала ей, что скоро придет дочка, их выписывают. «Давайте я измерю вам давление, — предложила новенькая. — Садитесь в кресло, я сейчас подойду».

Новенькая ушла в сестринскую за аппаратом, что-то задержало ее там. Анна оторвалась до стены, сделала два шага до кресла и, держась за спинку, усадила себя. Посмотрела на телефон: 11.15. Новенькая все не шла. Да уснула она там, что ли? Анна мазнула пальцем по экрану: 11.15.

Она вздохнула и откинулась на жесткую спинку. Прикрыла глаза. Все вокруг тут же загудело, задвигалось, пол задрожал под ногами. Она подскочила, когда автобус резко затормозил, но тут же снова закрыла глаза. Дремота уволакивала ее куда-то.

Анне показалось, что ее окликнули, и она тут же застучала кулаком по дверям автобуса, они разъехались, Анна выпрыгнула...

С неба падала вода, легкая, теплая. Анна бежала по залитой дождем улице, прячась, прячась от звавшего ее голоса, в воздухе прозванивали зеленые ноты, приятно оглушал шелест дождя, туфля зачерпывала воду. Неожиданный порыв ветра подхватил Анну...

Она открыла глаза. Никакого дождя, никакого автобуса. Она стояла на крыльце больницы. Уходя, надела то, в чем ее привезли из дома Насти: блузу и юбку, кардиган, который вязала еще в деревне, старые туфли. Никто не звал, не догонял ее. Стоять совсем не больно. Ни зрение не подводило, ни головокружение не беспокоило ее.

Анна постояла на крыльце, привстала на носках, пробуя, в тонусе ли мышцы: шутка ли, проваляться две недели на больничной койке!

Мышцы не ныли. Ногам удобно. Ее охватило ликование. Она подумала даже, что так и не проснулась, что сон продолжается... Анна ясно, совершенно отчетливо видела белый, железный сугроб «скорой помощи», всплывающий в ворота, видела курящих докторов у одной из аллей и медсестру в синей форме — та взбежала на крыльцо, прижимая к груди груды папок и белый штатив с пробирками. На Анну девушка даже не посмотрела. Сон или нет, а Анна, наслаждаясь неслыханной легкостью, беззаботностью и безнаказанностью, спустилась с крыльца.

«Я могу добраться сама, — сказала себе Анна. — Мой мотор еще не встал. Я все еще успею».

Она иногда немного терялась, проваливалась. Не запомнила, как шла. Помнила перекресток, тенистый ряд деревьев справа. На дорогу от больницы уходило минут двадцать, когда Анна была здорова, а больной, такой, как вчера, ей бы и полпути не пройти. Но сегодня Анна двигалась вспышками. Сморгнет — уже она в другом месте.

Анна купила билет в кассе, тут же подошел красно-белый, длинный, пахнущий соляровкой междугородный автобус: Апрельск—Выхино — табличка в окне. Там на метро до вокзала, сядет на поезд или даже самолет — и ищи ветра в поле!

Анна не очень хорошо помнила, на поезд она купила билет или на самолет, но сейчас это казалось не слишком важным. Чего бы ей это ни стоило, она решительно намерена оказаться в Петербурге.

Автобус уходил почти пустой, так что Анна спокойно выбрала место у окна, у средней двери. Выехав на Каширское шоссе, поднятое над полями, автобус повез ее вдоль широких пространств, испускавших неяркий свет. Небо было матово-голубое, задум-

чивое, к дождю. Свернули, проехали под мостом, дождь бросил на стекло первые капли. Пошел ряд деревень, названий которых Анна не помнила, частые остановки.

«Долгим путем поехали», — решила она. Беспокойно заерзала: вдруг не успеет на самолет?

Кто-то входил, кто-то выходил из автобуса. Налегке или с чемоданами, с торчащими из хозяйственной сумки саженцами — соседи у Анны были самые разные.

Чем дальше ехал автобус, тем больше вспоминала Анна. Она все это уже видела раньше: петли шоссе, тупики, земляные тоннели, похожие на огромные лисьи норы. Иногда автобусу приходилось ехать по бездорожью, на въезде в какую-нибудь сонную деревеньку протискиваясь сквозь распорку-воротца телеграфного столба, вставшего над дорогой, как циркуль.

Анна помнит, как путаются дороги у сонных деревенок, надеется, что водитель знает, что делает. Она бы еще посмотрела, может, даже вышла и пересела бы на другой автобус, если бы не клонило ее все время в сон, если бы не давила на глаза и виски немая дремота.

Все-таки не выез. Сломались как раз у Большой развилки. Анна помнит, сто раз видела уже этот сон: у Большой развилки, в этой лесистой, болотной низине, есть кафе и автостанция, можно переждать там. Починят этот автобус, или подойдет другой. Обычно ожидание здесь затягивалось на часы, даже на дни: но тогда она голодала, зябла, не было денег. А теперь они у нее есть. Вот она, сумка. В этот раз Анна все взяла, ничего не забыла. Как бы что ни ломалось, она прорвется. Она достигнет цели.

Весь день и много дней после дочери Анны искали и не находили ее. Последней ее видела новенькая медсестра: она отлучилась, чтобы измерить Анне давление, а когда вернулась, той уже не было в зоне отдыха, не было в палате, не было нигде.

5. Путешествие Анны

После множества пересадок Анна наконец-то попала в Петербург. Сначала не поверила своим глазам, когда по правую ее руку протянулись густые ряды лип Летнего сала, по левую руку — ковровый простор Марсова поля.

Она вошла и приготовилась застыть, отдаться блаженству, но из забранных решеткой роц выходили огромные львиные головы и рычали на нее, статуи следили за ней быстрыми слепыми глазами. Анна отступила к фонтану — ушла вода. Она бросилась вперед, заметалась в зеленой геометрии лабиринта. Откуда-то исходило тепло, мощно и мерно дышало что-то живое. Анна пошла на это тепло и вышла ко дворцу, похожему на корабль.

Небо потемнело, сильно запахло рекой. Волны с плеском обрушивались на камень. Нева походила на плавкий асфальт. Ко дворцу, из-за дверей которого так явно, так сильно дышало теплом, было не подойти, волны щедро расплескивались о ступени. Анна съежилась, сжалась под порывами ветра, прижала к себе сумку. В гаванец дворца на ее глазах, лихо подбрасываясь на волнах, махнула лодка. Анна видела четырех человек, они сидели, схватившись за борта, а пятый был великан, стоял недвижно, и Анна видела: он бронзовый, его лицо и руки, кафтан и сапоги.

Он медленно повернул к ней голову. У Анны больно зашелестело в ушах, она опрокинулась в темноту.

Из уютного небытия ее вырвал механический голос громкоговорителя.

Светило солнце, воздух морозный, свежий, чистый. У Гостиного стояло множество туристических автобусов, и Анна снова взяла билет.

Туристический автобус, который должен был ознакомить Анну с дворцами петербургской знати, увез ее прочь из города по странной, незнакомой дороге. С каждым часом поездка становилась все тяжелее и тягомотнее, снаружи и внутри салона все холоднее и места вокруг все глуше.

Совсем уже темной ночью Анна вышла на безымянной остановке у какого-то частного клуба. Это был просто вагончик, на крыше красным горели огромные буквы, Анна не могла разобрать надписи. Ей хотелось есть, у нее были деньги, но вагончик трясло от громкой музыки, стены раздирал блатной надрыв, Анне страшно войти.

Автобус уехал. Стоя у дороги, Анна плакала. Снова потерялась! В Питере ей не повезло, сад совсем не такой, как она ожидала. В Апрельск ей не вернуться: дети снова упрячут ее в больницу и уж теперь-то не выпустят никогда. Куда же ей идти? Что же ей делать?

«Вот потерялась так потерялась, — шепчет Анна, — потерялась так потерялась».

Начался дождь, алым полыхала сквозь водяные штрихи вывеска клуба.

От утлого козырька остановки отделилась фигура. Кто-то, мигая огоньком сигареты, подошел к Анне.

«Тоже какой-то пассажир». Он прятал сигарету от дождя, уместив ее в туннель крупного кулака. «Наверное, ждет свой автобус», — подумала Анна.

— Вы поезжайте, — сказал ей мужчина, чьего лица она не могла разобрать, какой-то сморщенный дяденька, — домой. Чего вы маетесь? Лучше всего — это вернуться домой.

Он был в фуражке, с козырька капала вода. Анна стерла воду с лица, но дождь тут же захватал ее мокрыми ладонями.

— Домой? — спросила она, думая только о том, что хочет в тепло, хочет переодеться в сухое и согреться. — Да?

— Да, — сказал мужчина. — Давно пора бы.

Подошел обшарпанный, тарахтящий дачный автобус. Выдохнул черное облако. Анна махнула мужчине и подбежала, поставила ногу на подножку, втянула себя в темное тепло салона.

— Вам куда? — спросил водитель. — Я на Горку не еду.

— Я домой, — успокоила его Анна. Она не знала, про какую Горку он говорит, но знала, что ей туда точно не надо.

— Домой так домой, — согласился водитель и включил радио. Не считая водителя, в салоне Анна была одна.

Радио пело про волнение и грусть, про сон наизусть и о мучительной разлуке. Автобус двинулся и, дребезжа, оскальзываясь, стал пробираться через тьму по раскисшей дороге. Анна сквозь головную боль улыбалась песне. Хотела заснуть, но все не получалось. Когда кончился дождь, автобус выбрался на побережье. Все незнакомые места.

«Домой — это, наверное, правильно», — думала Анна, глядя на белесую бесконечную гладь, но она жила так долго и переезжала так много, что уже не знала, какое место имеет в виду.

«Хорошо, — думала она, — если знает водитель. Или дорога. Или кто-нибудь».

Они въехали на мост, широкий, как река. Водитель дал полный ход, у Анны от скорости, которую вдруг набрала развалюха, заныло в ушах.

Она слышала, как завывает, тарахтит мотор автобуса. А потом уже ничего не слышала, ее раздавил свист, давление, чудовищная скорость.

Когда Анна открыла глаза, ее обступил поздний вечер. Она стояла на трапе самолета, ступенькой выше видела невысокую девушку, укутанную в меха. Анна держала

за руку питерского внука Костю, он еще совсем маленький, ему не было и пяти. Он протянул руку и потрогал пушистые помпоны манти девушки, той, что стояла на ступеньку выше.

— Костя, перестань! — Анна дернула его за руку.

Девушка обернулась, и у Анны перехватило горло: под меховой шапкой белело лицо статуи с мраморными, слепыми глазами. На черные волосы шапки тихо падал снег.

Она рывком села, схватила рукой воздух, потом нашла поручни кресла.

За окном иллюминатора ночь стояла такая плотная, что не видно даже огней посадочной полосы. Самолет оторвался от земли. Снова заложило уши. Стенки салона будто из картона, горчично-желтые, перфорированные, проколотые тысячами острых иголок.

Анна помнила, как летала на таких самолетах в конце восьмидесятых. Она вытерла лоб, удивляясь тому, что чувствует еще что-то. Кости рядом уже не было, он исчез, Анна сидела одна. Она смутно понимала, что что-то не так. Она как-то по-особенному устала. Слово попала в ловушку.

Ей хотелось прийти домой, лечь в свою постель и уснуть. Проспать сто лет. И чтобы никто до нее уже не добрался. «Когда же это кончится, — думала она, — когда же это кончится...»

Пройдя через тошнотворные провалы зоны турбулентности, через вихри и грозу, самолет Анны совершил посадку прямо на небольшой площадке у магазина «Мохинав», что в Таджикистане, Душанбе.

«Домой, — понимает Анна, — это туда, там, давно... это то „давно“, где ты был счастлив».

Теперь она приободрилась. От универмага она могла добраться сама. «Тут пешком идти минут пятнадцать».

Анна попала в больницу в июне, а сейчас август, спелое лето.

Все было тут, как она помнила: высокое белесое небо, слоновьи колонны административных зданий и тенистые улицы под навесами лип, автоматы с газировкой. Жара, сухая, терпкая, пробиралась Анне под кожу, просушивала ее одежду, ее сердце и душу. Излечивала ее, выгоняя сырость и тоску из костей.

Анна долетела до дома, даже пожалела, что все произошло так быстро. Хоть и устала с дороги, она хотела бы вдоволь надышаться городом, вобрать его в себя.

Когда Анна жила здесь, это было ее время. Она молода, ее муж жив и тоже молод, у них дети. Дети маленькие, любимые и слушались Анну, признавали ее голос, ее взгляд, все, что от нее исходило.

Она была жива. Она была счастлива.

Четырехэтажный дом на улице Маяковского, высокие, пушисто-зеленые деревья богаты ветками чересчур щедро, как нарисованные. От подъезда пахнет мокрым песком и цветами шиповника, вот он, несколько кустов, все белые, сыплют лепестками на асфальт, оголяют желтые середки.

Ощущение легкой и точной правильности происходящего такое сильное, будто под самым сердцем Анны зрело и распускалось солнце. Невыносимо приятное дрожание под сердцем, клокочущая радость, того и гляди, вырвется светом...

Напротив дома — арык, лавочки, соседний дом. Там под кустами растут синие цветы, маленькие, меньше ногтя ребенка. Пахнет влажным деревом.

Анна запрокидывает голову. Душа ее заходится слезами, криком. Сумка тяжело валится к ногам. Она хватается за голову, мир идет кругом — высоко наверху, от балкона ее дома к соседнему, через двор, тянутся бельевые веревки. Около балкона их старой квартиры сушатся детские колготки.

Она опускает глаза, ждет, пока пятна света перестанут танцевать. Оборачивается. Бледно-зеленый «жигуленок», еще новенький, припаркован у дома.

Снова в глазах чернеет. Когда проясняется, Анна понимает, что все перекувыркнулось, внутренне переменялось. Ее колени под коротким розовым платьем круглые. Она выпрямляется и смотрит на полные руки. В ее руках — авоська и кожаная рабочая сумка.

Она поднимается по ступенькам, тепло деревянных перил греет руку, дверь — родная и привычная, «в клепочках», обитая шершавым коричневым дерматином.

Анна звонит, ей открывает муж и, отступив в коридор, забирает из ее рук сумку, аккуратно ставит на полку у трюмо. Авоську уносит на кухню. Из кухни пахнет кофе и куриной лапшой.

Попав в квартиру, Анна короткий миг еще помнит свою поездку, но, сняв туфли, забывает о путешествии. Поверх обувной этажерки брошены пыльные кеды-«селедки» Насти, черные лаковые туфли Катюшки стоят пониже, старые туфли мужа, разношенные, которые он надевает на работу, стыдливо глядят с нижней полки. Анна мельком смотрит в зеркало, краем большого пальца поправляет смазавшийся контур накрашенных губ и идет мыть руки. Ей нужно переделать кучу дел до того, как дети вернуться из школы.

Она ступает легко; крашенный пол холодит ее разгоряченные ступни.

6. Эпилог

Следующей весной вся Катина семья приехала в Апрельск: повидаться.

Анну не нашли, и сестры уже догадывались, что не найдут, ни живой, ни мертвой. Это было постоянно ревущей дырой, разрушающей любые попытки как-то — уговорами, разговорами, — стянуть рану. Если бы было обнаружено тело!

В последний день перед отъездом из Апрельска Кате приснился сон: ей лет пять-шесть, стоит она под окнами у дома на Маяковского, просит маму сбросить ей мяч.

Анна, молодая еще, полная, крутит рычажок, пристроенный к протянутому через двор тросу, развешивает белье. Она наклоняется. Смотрит на Катю. Катя снова просит сбросить ей мячик. Анна, махнув рукой, что-то отвечает Кате, и та понимает, что не знает языка. Мать снова наклоняется, что-то говорит, и звуки курлыкают и посвистывают.

Это не русский, не таджикский, это птичий клекот или песня наоборот.